

нением уголовно-процессуального законодательства: мат. межвуз. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2008. С. 26.

¹³ Шейфер С.А. Правовое положение и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. Рязань: Академия ФСИН России, 2008. Вып. 3. С. 142.

¹⁴ Шейфер С.А. Предварительное следствие: прокурорский надзор и ведомственный контроль // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений: сб. мат. межвуз. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2009. С. 136.

*А.С. Дежнев**

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В качестве альтернативы заключению лица под стражу в юридической литературе рассматривают домашний арест. Отмечают, что он менее строг, более выгоден экономически, позволяет избежать негативных последствий нахождения в следственном изоляторе и сохранить связь с семьей¹. Об оценке семейной жизни человека при домашнем аресте законодатель говорит особо. В ч. 2 ст. 107 УПК РФ (наряду с требованиями ст. 99 УПК РФ) он дополнительно подчеркивает необходимость учета семейной жизни обвиняемого (подозреваемого). Такое «двойное» напоминание не случайно. Все-таки домашний арест обуславливается необходимостью постоянного пребывания лица в жилище, и учет его семейных взаимоотношений здесь не будет лишним. Так, например, если преступление совершено на семейно-бытовой почве данная мера пресечения может усугубить и без того сложную ситуацию в семье. С другой стороны, судья (следователь, дознаватель) должны понимать, что лицо, лишенное права покидать свое жилище, не может удовлетворить ряд своих социальных потребностей. Именно члены семьи призваны обеспечить лицо, находящееся под домашним арестом, продуктами питания, решить иные бытовые проблемы.

В этой связи уместен вопрос о том, должны ли члены семьи делить с обвиняемым (подозреваемым) те запреты, что предусмотрены в ч. 1 ст. 107 УПК РФ? Формально из закона это не вытекает, но, по сути, без такого рода ограничений порой не обойтись. Если обвиняемый живет

* © Дежнев А.С., 2010

Дежнев Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Омской академии МВД России

в семье, то, например, реализация запрета на ведение переговоров с использованием любых средств связи может повлечь отключение абонентской линии, которой пользовался не он один. Есть мнение, что это своего рода «плата» за то, что арестованный остается дома, а не помещается в следственный изолятор. Ю.Г. Овчинников по этому поводу отмечает, что если близкий человек находится под стражей, моральных страданий и неудобств у родственников значительно больше, чем отключенный в квартире телефон².

Получается, что члены семьи должны быть готовы к введению таких ограничений, в противном случае целесообразность домашнего ареста может быть поставлена под сомнение. Если они возражают против реализации запретов, предусмотренных ч. 1 ст. 107 УПК РФ, не согласны нести их вместе с обвиняемым, то есть смысл применить к нему иную меру пресечения. Возможность принудительного ограничения прав членов семьи обвиняемого, не имеющих, как правило, самостоятельного процессуального статуса, в законе отсутствует. К тому же могут возникнуть чисто технические сложности. Например, телефон бывает зарегистрирован не на обвиняемого, а на его супругу или другого члена семьи. Без их участия вопрос о запрете переговоров решить будет сложно.

Именно такие причины, на наш взгляд, побудили законодателя специально указать в ч. 2 ст. 107 УПК РФ необходимость учета семейных отношений. Оценка этого фактора может оказать решающее значение при выборе соответствующей меры пресечения. Думаем, в отдельных случаях, для выяснения требуемых обстоятельств, членов семьи обвиняемого (подозреваемого) допустимо приглашать на судебное заседание. В конечном итоге их позиция может иметь запретительный характер при принятии судьей решения о домашнем аресте. Такие последствия возможны при отказе членов семьи обвиняемого (подозреваемого) способствовать реализации вводимых в отношении него ограничений, конфликтной ситуации в семье и в других подобных случаях.

Отстаивая необходимость введения домашнего ареста еще в рамках УПК РСФСР, И.Л. Петрухин обращает внимание на то, что данная мера пресечения может применяться в отношении тяжелобольных, престарелых, беременных и женщин, имеющих грудных детей, при отсутствии серьезных опасений, что они скроются от следствия и суда. Перечисленные лица, отмечает ученый, как правило, не в состоянии скрыться, помешать установлению истины и совершить новые преступления³. В настоящее время домашний арест чаще всего применяется именно к этой категории граждан⁴. Распространено также мнение о том, что домашний арест нужно чаще применять в отношении несовершеннолетних⁵. Мы поддерживаем его. Постоянное нахождение такого обвиняемого (подо-

зреваемого) в домашних условиях, под одной крышей со своей семьей, дополнительно позволит добиться определенного воспитательного эффекта. Наряду с превентивной функцией данная мера пресечения способна нести в себе еще и педагогический заряд. Рассматривая ее как альтернативу заключению под стражу, мы практически исключаем негативное влияние преступной среды следственных изоляторов на слабую психику ребенка. В сложной жизненной ситуации положительное воздействие на него должны оказывать близкие лица. Открытым остается вопрос относительно реализации этого предложения.

Ученые отмечают неэффективность домашнего ареста, имея в виду проблему определения органов и должностных лиц, осуществляющих надзор за соблюдением установленных ограничений⁶. Законодатель не называет, кто конкретно должен контролировать поведение арестованного обвиняемого (подозреваемого). При этом в число субъектов, осуществляющих надзор, не включены физические лица (ч. 3 ст. 107 УПК РФ). В контексте рассматриваемой проблемы думаем, что данное ограничение излишне. При применении присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым контроль со стороны взрослых физических лиц (родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц) возможен (ст. 105 УПК РФ). Но в случае с домашним арестом такого доверия к ним уже нет.

В.М. Быков и Д.А. Листков, рассуждая на эту тему, предлагают к несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) применять как присмотр, так и домашний арест⁷. Позиция авторов нуждается в уточнении, поскольку УПК РФ не позволяет применять к лицу более одной меры пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). На этот недостаток обратил внимание Ю.Г. Овчинников⁸. Однако в своих рассуждениях он не пошел дальше критики. В предложении В.М. Быкова и Д.А. Листкова есть рациональное зерно. Конечно, применять одновременно две меры пресечения не стоит, однако нужно задуматься об использовании положительного потенциала присмотра за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) при применении к нему домашнего ареста. В этой связи считаем возможным предложить изменения в УПК РФ, допускающие возложение надзора за соблюдением установленных ограничений несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) при применении к нему домашнего ареста на членов его семьи.

Такой шаг будет способствовать более широкому применению данной меры пресечения и приведет к снижению числа случаев заключения под стражу указанной категории граждан. Он может служить средством реализации международных стандартов охраны интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Статья 13.2 Минимальных

стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, призывает применять к детям альтернативные меры, не связанные с содержанием под стражей. Предлагается максимально использовать позитивный социальный потенциал института семьи в ходе уголовного преследования (ст. 1.1, 1.3, 13.2 и др.)⁹. В качестве гарантии выполнения взятых на себя обязательств может служить ответственность родителей или иных лиц, ответственных за надзор, в виде денежного взыскания.

Кстати, соотношение положений ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 107 УПК РФ позволяет прийти к выводу о том, что должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый), вполне могут рассматриваться как субъекты надзора за соблюдением установленных ограничений при домашнем аресте. Законодатель не устанавливает жестких ограничений при выборе мест, пригодных для пребывания лица, подвергнутого данной мере пресечения. Коль скоро понятие «дом» в УПК РФ не раскрывается, в юридической литературе чаще в него вкладывают содержание, присущее понятию «жилище» (п. 10 ст. 5 УПК РФ)¹⁰. В этих условиях специализированные детские учреждения, в которых могут находиться несовершеннолетние, вполне подходят для реализации домашнего ареста. При принятии соответствующего судебного решения они будут тогда считаться и местом их изоляции от общества.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что нынешнее нормативное регулирование применения домашнего ареста содержит ограничения, снижающие позитивный потенциал этой меры пресечения. Домашний арест может служить альтернативой заключению под стражу лишь при широком использовании дополнительных средств контроля за обвиняемым (подозреваемым). Включение членов семьи в число субъектов, на которых может быть возложен надзор за соблюдением установленных ограничений, будет служить дополнительным стимулом применения домашнего ареста в отношении несовершеннолетних.

Примечания

¹ См.: Руденко С.В. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2005. С. 85; Кабилова С.А., Заман Ш.Х. Домашний арест как мера пресечения в отечественном и зарубежном законодательстве // Российский следователь. 2004. № 2. С. 45; Гулякевич М.С. Актуальные проблемы применения домашнего ареста в Российской Федерации // Российский следователь. 2006. № 11. С. 7–9; Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе. М., 2006. С. 3, 7; и др.

² См.: Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 127.

³ См.: Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе М., 1989. С. 146.

⁴ См.: Руденко С.В. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2005. С. 97.

⁵ См.: Быков В.М., Листков Д.А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Российский следователь. 2004. № 4. С. 13; Мельников В.Ю. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 74.

⁶ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 102; Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 79–80; Быков В.М., Листков Д.А. Указ. соч. С. 13; Трунова Л.К. Домашний арест как мера пресечения // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 49–50; и др.

⁷ См.: Быков В.М., Листков Д.А. Указ. соч. С. 13.

⁸ См.: Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 57–58.

⁹ См.: Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. М., 1992. С. 196.

¹⁰ См.: Быков В.М., Листков Д.А. Указ. соч. С. 12; Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 77–79; и др.

*Н.В. Захаров**

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) КАК КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Анализ положений подп. «б», «в» п. 1 ч. 2, п. 7 ч. 3, ч. 4 ст. 151 УПК РФ позволяет выделить такой самостоятельный вид подследственности, как персональный, исходя из того, что в указанных нормах закона содержится прямое указание на определение органа предварительного расследования в зависимости от субъекта преступления и при этом без учета критериев определения предметной подследственности. Выделение данного вида подследственности поддерживается многими процессуалистами, хотя далеко не всеми. Некоторые из них полагают, что персональный критерий является дополнительным при определении предметной подследственности и выделять его в отдельный вид нет необходимости¹.

Наличие в УПК РФ положений о персональной подследственности ни в коей мере не означает, что при расследовании уголовных дел, совершенных лицами, которые в силу тех или иных обстоятельств обладают особым статусом, имеют место какие-то отклонения от общих демократических принципов уголовного процесса. Напротив, при расследовании уголовных дел в отношении лиц с особым статусом предусматриваются дополнительные гарантии, в которых эти лица, безусловно, нуждаются

* © Захаров Н.В., 2010

Захаров Николай Владимирович — кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Казанского государственного университета